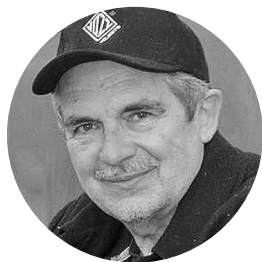

АКВАРИУМ

АЛЕКСАНДР ГРАНОВСКИЙ
Врач. Окончил Литературный институт имени Горького, прозаик.
Автор семи книг прозы, составитель ряда сборников. Лауреат Пушкинской премии за роман «Амарок, или Последняя игра» (2021). Шорт-лист Премии Бабеля (2018, 2019), финалист

Премии «Антоновна 45+» (2019), лауреат конкурса «Русское слово Украины», дипломант международного Волошинского конкурса, лауреат конкурса «Московского номсомольца» и других. Тенсты переведены на английский, немецкий и французский языки. Член Союза Писателей России.

Мне нравится, как она смотрит. Словно заглядывает в глаза. В ее зеленоватых, цвета моря зрачках замечаю свое крохотное отражение.

– Анджей!.. – говорит она, перевирая на свой лад «Андрей».

Она много еще чего говорит, но из всего сказанного я понимаю только «Анджей» и терпеливо жду, когда Юрка начнет переводить.

– Ева сказала, что ей очень приятно с тобой познакомиться. Она хочет изучать русский, чтобы читать Достоевского и Чехова, и очень любит песни Высоцкого, хотя и не все понимает... Но в них есть какая-то энергетика, а это можно почувствовать на любом языке. А еще она любит Чеслава Немена и «Червоны гитары». А из серьезной музыки, конечно, Моцарта и Пендеревского, но и Шопена тоже... Только если его исполняют на скрипке, или, как Чеслав Немен, на органе.

Кажется, я киваю, но продолжаю пялиться в ее глаза, словно с первой секунды между нами успели установиться свои, только нам двоим понятные отношения, а голос Юрки все отдаляется и отдаляется и становится шелестом песка и моря, хотя Юрка почему-то продолжает оставаться здесь, наверное, чтобы сказать главное.

– Сегодня вечером мы собираемся в курзал на танцы... – И тут же пшекает что-то ей по-польски, чтобы вернуть голос на свое место, которое уже

занято другим. Но он еще этого не понял и смеется.

– Па!.. – грациозно делает она ручкой, и в уголках ее влажных губ для меня два маленьких приветно-обещания – две скользнувшие улыбки, понятные только нам двоим.

Но Юрка уже обнимает ее за плечи и уводит в неизбежность дня, который пахнет морем.

Они уже давно смешались с толпами лениво фланирующих полуголых курортников, которые по незыблемому праву лета заполняют все пляжи и набережную, а я все еще продолжаю стоять, словно прикованный к этому месту словом «танцы».

Дело в том, что до этого дня танцы для меня были как для глухонемого музыка, эдакой непознаваемой и потому непознанной вещью в себе, о которой нам туманно рассказывала наша историчка Писистрата (прозванная так по имени знаменитого афинского тирана). Еще Писистрата говорила, что даже инквизиция запрещала танцы под страхом смертной казни, справедливо полагая, что в отплясывающего вселяется дьявол. В чем, без сомнения, можно убедиться, хотя бы понаблюдав за «аквариумом» в курзале.

«Аквариумом» в нашем курортном городке называли танцплощадку, которая была окружена железными прутьями, как арена цирка, когда на нее выпускали хищников. В разгар курортного сезона

«хищников» обычно набивалось под завязку, и за ними, расположившись по другую сторону прутьев, наблюдали гуляющие бабушки и дедушки, и совсем молодые папы, и мамы с детьми.

Некоторые из деток, которые пошустрее, то и дело норовили просунуть головы сквозь прутья и тут же получали от своих папуж на орехи за, что называется, пренебрежение опасностью.

А оркестр на полную мощность наяривал какой-нибудь очередной шлягер лета, и рано или поздно наступал тот томительный момент истины, когда в какого-нибудь «хищника» и в самом деле вселялся дьявол – так его, сердешного, начинало колбасить и выкручивать, и сразу всех охватывала цепная реакция, и начиналось главное зрелище, на которое и приходил поглазеть народ.

Причем считалось хорошим тоном, когда какой-нибудь отчаянно смелый в глубине толпы «хищник» испускал эдакий глас вопиющего в курзале, который тут же с энтузиазмом подхватывали остальные «хищники», и прижавшиеся к прутьям отважные детки в испуге шарахались в объятия своих пап и мам, которые смеялись и говорили: «Во дадут!..» Хотя еще не так давно в этом же «аквариуме» сами небось выдавали не хуже, в чем, видимо, и заключалась преемственность поколений курзала, а значит, и вообще жизни.

Все это называлось загадочным словом «балдеть». Я даже нарочно заглянул в словарь Даля, чтобы уточнить его значение, но, скорее всего, во времена Даля этого слова еще не знали.

Были только: болда – деревянная дубина, фаллос, болдырка – женщина, и болдежник – пьяница. Интересная закономерность, если вдуматься, которую вполне логично и завершал «балдеж».

Билет на танцы в «аквариум» стоил всего полтинник – совсем ничего, если этот полтинник есть, и целое состояние, если его нет. Просить у мамы в долг даже не поворачивался язык – тем более что просил уже вчера, и не полтинник, а гораздо больше – на одну редкую книжку для развития умственных способностей по методу японца Киосо. Надо только согласиться с Киосо, что человек – это сумма всех животных, вместе взятых, и чтобы лучше узнать себя, очень полезно побывать в шкуре каждой твари, от лягушки до тигра. Я тут же попробовал побывать в шкуре зайца, но выдержал всего полдня, пока дома не кончилась морковка. Но и этого хватило, чтобы почувствовать себя венцом творения, у которого есть по крайней мере руки. А заячьими лапками ни морковку помыть, ни «Лунную сонату» сыграть.

Можно, конечно, заработать на бутылках. Прочитать, к примеру, санаторские кустарники, которые являются естественным накопителем бутылок, – феномен, еще недостаточно изученный наукой и «аликами». Если повезет – рубля три в кармане. Главное – знать места.

Дома я подошел к зеркалу и долго изучал себя вблизи. Попробовал пробор на другую сторону, тщательно ободрал облупившийся от загара нос и выдавил несколько угрей.

Жалкие кустики усов за лето окончательно выцвели и казались скорее намеком, чем вторичным половым признаком.

Попробовал несколько обаятельных улыбок на выбор, но так и не остановился ни на одной. Наверное, у меня еще недоразвита улыбательная мышца, чего нельзя сказать о японцах и о Киосо в частности, – словно он предъявляет к осмотру все свои тридцать два роскошных зуба. А может, Киосо в этот момент просто находился в образе тигра?

Затем я извлек из тумбы запыленный рижский проигрыватель, который мама в последние годы почему-то включала все реже и реже. В коробке хранились пластинки. На них словно была записана вся причудливая история маминой жизни с ее взлетами и падениями, от бессмертной «Лав стори» до песен неувыдающей Гурченко, которую мама держала в уме за идеал.

Я перебирал пластинки, пока не остановил свой выбор на одной – с хохочущим негром на обложке. Наверное, он маме тоже чем-то нравился, такой морщинистый и хохочущий, несмотря ни на что. Даже на свой простуженный хриплый голос, которым негр умудрялся петь. Но ему тут же на помощь приходил саксофон, а потом вступал ударник... и через несколько минут начинало казаться, что плывешь на старом колесном пароходике по великой реке Миссисипи, и плыть еще долго-долго, и вполне естественно желание немного поразмять ноги.

Сперва они просто притопывали в такт огромному вращающемуся пароходному колесу, но постепенно вспоминали затаенную в себе память и двигались уже смелее... А смеялся негр от неуклюжести моих стараний. Он играл и пел, словно стараясь на языке саксофона объяснить что-то невыразимое словами, и, самое интересное, – ноги начинали и в самом деле что-то понимать. И где-то через два часа моего путешествия по Миссисипи мне наконец открылся главный принцип движения... Я так и назвал его: принцип велосипеда. Словно крутишь педали невидимого велосипеда, и от твоих усилий

старенький колесный пароход увозит хохочущего негра по великой реке к курзалу.

Окрыленный достигнутыми успехами, я старательно погладил брюки и отправился на поиски бутылок. Сегодня мне решительно везло – все задуманное сбылось, и в этом не было никакого чуда. Главное – почувствовать в себе ритм жизни и помогать его почувствовать другим. Об этом и пел хрипловатым голосом хохочущий негр по имени Дюк Эллингтон.

И вот я поджидаю Юрку с Евой возле входа в курзал. В моем кармане около двух рублей – все, что удалось заработать на урожае бутылок. И я не то чтобы волнуюсь... от неудобства все. Туфли, которые еще зимой были впору, сейчас немилосердно жмут, и в голове сразу всплывает перл из моего любимого Марти Ларни: «Если хочешь избавиться от мелких мук и неприятностей – купи себе тесные ботинки или женись».

Совет жениться, несмотря на всю его привлекательность, подразумевал минимум два условия: а) наличие хотя бы потенциальной невесты и б) наличие паспорта. Ни того ни другого у меня пока не было. Другое дело тесные ботинки...

И с этой минуты я не могу ни о чем другом думать, кроме ботинок, туфель и прочей обуви, которую человечество довело до такого совершенства, что она способна влиять не только на настроение, но и на саму жизнь. Наверное, и у Наполеона немилосердно жали сапоги, поэтому он вечно спешил – сперва он спешил стать императором, а потом выигрывать сражения, чтобы побыстрее снять ненавистные сапоги и размять онемевшие пальцы, а когда начались холода – начал спешить еще больше и, отогревшись как следует в Москве (которую потому и поджег, чтобы отогреться), уже вынужден был отступать, бежать, в буквальном смысле не чувствуя под собой ног (сапог) от холода и неудобства. А за всем этим стоял какой-нибудь бесследно канувший в историю сапожник Жак.

Впрочем, может, Наполеон просто спешил к своей Жозефине – у каждого великого мужчины есть такая женщина, к которой спешат сквозь победы и поражения. Мою женщину зовут Ева. У нее пепельные волосы и зеленые глаза... Мне хочется, чтобы она только мне одному говорила «Анджей» и чтобы рядом не было Юрки. Он хоть и в самом деле какой-то ее родственник, но ведет себя... Такие вещи сразу чувствуешь. Вдобавок Юрка знает язык, что дает ему неоспоримое преимущество.

«Бардзо ми пшеме... ходжме на спацер...» – с мысленным удовольствием передразниваю Юрку, но от этого почему-то не легче.

А вот, кажется, и они. Я заметил их первым и с радостью устремился навстречу. Но по Юркиному лицу пробегает тень. Не ожидал... Юрка не ожидал, что я сподоблюсь на танцы. А сболтнул он про танцы из хвастовства. Мол, каждый сверчок знай свой шесток. Это ему сегодня идти в «аквариум» танцевать и болтать по-польски с красивой девушкой. Наверное, думает, откуда я взялся на его голову, третий лишний и все такое, но Ева тоже что-то такое почувствовала или поняла. «Анджей!» – слетает с ее встревоженных губ.

Мне не нужен сейчас переводчик, но Юрка все равно переводит. Чтобы подчеркнуть свое превосходство, разрушить улыбку и это ее «Анджей». На Юрке новенькие, по последней моде джинсы, на ногах кроссовки, которые делают шаги такими легкими и бесшумными.

– Ева спросила, где твоя девушка. Она почему-то думала, что ты придешь со своей девушкой.

Чем и интересны Юркины переводы, что с ходу не догадаешься, где перевод, а где просто отсебятина.

– Скажи, что разошлись, как в море корабли, – для Юрки я и отвечаю, но он зачем-то снова переводит, и я ловлю на себе ее сочувственный взгляд.

Я даже начинаю вспоминать, где мог видеть такой или похожий взгляд раньше – в старой книжке про Буратино. Только тогда Еву звали Мальвиной и у нее были голубые волосы, а Юрку – папой Карло. Вот возьмет сейчас и скажет:

– Ах, бедный, бедный Буратино – у него совсем нет девушки! – и погладит меня по грустным щекам, вытирая слезы.

Но вместо этого Ева-Мальвина выдала нам из своей сумочки по пластику жвачки, и, дружно двигая челюстями, мы направились в курзал.

В «аквариуме» уже играла музыка, вокруг косяками кружили девушки и сосредоточенно курили парни. Они словно готовились к чему-то важному и находились как бы в предстартовой лихорадке.

– Бы-стрый... та-нец!.. – нараспев объявил ведущий, и оркестр заиграл самую забойную свою вещь под названием «Венера».

У входа сразу образовалась толчея, и в «аквариум» повалил народ.

Юрка тоже почему-то разволновался и побежал к кассам.

– Пойдем посмотрим, – предложил я Еве, чтобы не молчать.

Мы протискиваемся между зрителями и стоим совсем рядом. Ее волосы пахнут морем и вообще... Польшей. Так пахнет и должна пахнуть таинствен-

ная заграница, которая производит таких девушек и еще много чего интересного.

– У вас тоже так танцуют? – нарочно наклоняюсь ближе, чтобы еще раз вдохнуть томительный запах невозможного.

– Так, праве, – поворачивается она сказать, и ее губы почти касаются моих. – Так, праве, – повторяют губы. – И у меня даже на какой-то миг перехватывает дыхание.

Но сзади нас уже разыскивает Юрка. Он размахивает добытыми билетами и кричит: «Я что, искать вас должен?» И Юрка тут же потащил Еву в «аквариум». Он даже билет забыл мне купить.

Пришлось вернуться за билетом. Но за мое отсутствие на танцевальном пятачке ничего не успело измениться. Каждый топтался в одиночку, лишь один Юрка был с Евой. Сперва они просто танцевали вместе, а потом начали выделять такое, что вокруг них образовали круг и даже прихлопывали в ладоши. Со стороны казалось, что Юрка дергает и вертит Еву, как хочет. Мне оставалось из принципа вертеть свой «велосипед» где-то рядом и делать вид, что это занятие мне очень нравится.

Наконец танец на верхней ноте оборвался, и Ева, смеясь и без сил, повалилась Юрке на грудь. Он тоже смеялся и что-то говорил ей по-польски, а потом красиво, как в каком-то итальянском фильме, дул ей в лицо. На них все смотрели, и Юрка знал, что все смотрят.

«Видал, как эта парочка рок отбацила», – завистливо произнес кто-то рядом, и я отчетливо почувствовал, что у меня снова жмут туфли. Но сейчас они жмут не только ноги, они как бы обхватывают меня всего, до самого горла...

– Следующим номером нашей программы... медленный танец, – гнусавым голосом объявил ведущий. – Приглашают... – Он выдержал полную значения паузу и со свойственной ведущим игривостью закончил: – Танец обоюдного приглашения!

Но Юрке и объявлять не требовалось – знал весь репертуар наперечет. Ведущий еще только начинал первую половину своего заранее заготовленного экспромта, а Юрка уже первым приглашал Еву.

Тут еще оркестр заиграл мою любимую вещь. Я мог слушать ее часами, но трубача хватало всего на несколько минут. В некоторых местах его труба забиралась до таких отчаянных высот, что, казалось, не выдержит и разорвется на множество звенящих осколков.

У меня и мысли не было кого-либо приглашать, но и смотреть на танцующих Юрку с Евой и слушать трубача, который словно играл для них двоих...

«Приглашу! – решил внезапно. – Пусть она видит...»

Подразумевалось, что Ева увидит мой успех и где-то даже пожалеет, что согласилась снова танцевать с Юркой.

Рассеянно прошелся взглядом по пустым по периметру скамейкам. Все уже давно пригласили всех, и лишь одно костлявое существо не знало, куда себя девать в оголенном пространстве.

– Фрося, – обрадованно сказало существо, и мне почему-то захотелось спросить, кто ее папа и мама.

Дома в моем дневнике был даже записан афоризм для таких вот тяжелых случаев. «Сын – это обнаженная тайна отца». Фридрих Ницше. Насчет дочери Фридрих как бы оставляет простор воображению. Был там и еще один латинский афоризм: «Поздно приходящему – кости», но применять его к Фросе почему-то не хотелось.

– Вы читали «Великого Гэтсби?» – спросил я с непринужденностью опытного Растиньяка.

В то время я по наивности считал, что раз уж пригласил девушку танцевать – обязан ее развлекать и кормить мыслями, как в романах знакомых мне классиков прошлого и настоящего.

– Читала, – неожиданно сказало существо по имени Фрося, словно речь шла о какой-нибудь книжке для внеклассного чтения.

Это был первый правильный ответ в моей пока еще небогатой практике.

И я сразу посмотрел на Фросю другими глазами. При ближайшем рассмотрении она оказалась вовсе не так костлява, как на фоне пустых скамеек, которые, возможно, и накладывали отпечаток. Обычная девушка-акселерат, каких сейчас много – сантиметров на пять выше меня, именно таких специально отбирают в Берлинский балет, и со всего «аквариума» наверняка отобрали бы только Фросю.

Но, как правило, хорошие идеи почему-то посещают тех, кому они и даром не нужны, а поделиться идеей насчет балета с Фросей – все равно что сказать не совсем умному человеку, что он не совсем умный.

Я, когда волнуясь, всегда много думаю. А пока я думаю, трубач выдувает из трубы последний воздух, Фрося благополучно возвращается на свое место. Она на голову выше остальных претенденток в Берлинский балет и сейчас с высоты своих парящих глаз явно следит за моей особой.

– Ты, старик, делаешь успехи! – встречает меня Юрка.

Он подмигивает и щерит свои неровные зубы. Где-то мне попало, что неровные зубы – признак

тайных пороков. Жаль, этой подробности не знает Ева, а открыть ей глаза – Юрка мне потом в жизни не простит.

До чего нестерпимо хочется оглянуться – наверное, Фрося меня всю гипнотизирует взглядом, но если оглянуться, то Юрка с Евой все поймут, и мне будет почему-то стыдно.

– Для нашей гостьи из Польши, пани Евы, оркестр исполняет песню из репертуара... «Червони гитары!» – Ведущий выдерживает, пока в динамиках не погаснет эхо, и добавляет главное: – Приглашают девушки...

Девушки, конечно, приглашают. Время летит незаметно, и во всем броуновском движении «аквариума» постепенно нарастает напряжение. Юрка выразительно смотрит на Еву, которая так же выразительно смотрит на меня: «Анджей...»

В каком-то сомнамбулическом состоянии я отвожу Еву подальше от Юрки и чувствую легкое прикосновение ее рук и тела. А когда, как бы случайно, касаюсь ее щеки и это прикосновение остается с нами... мне хочется зажмуриться. Нас тогда никто не увидит – ни Юрка, ни... Кстати, он сейчас уже танцует с Фросей. Вот она, ирония судьбы! Наверное, Фрося шла пригласить меня, но подвернулся Юрка, который, естественно, ничего о «Великом Гэтсби» не знал и сейчас для Фроси просто как надувная кукла даже со всеми его польскими штучками.

Я не знаю, что такое благодать, о которой любит говорить моя бабушка, когда ей особенно хорошо, наверное, что-то вроде просветления души, которая чувствует приближение счастья, и тогда начинаешь видеть мир словно сквозь розовые очки...

Сквозь свои розовые очки я вижу, в общем-то, неплохого парня Юрку. А точнее, Фросю. Юрка должен розоветь где-то рядом. И сразу чувствую в своей груди два сердца, которые в какую-то секунду сливаются в одно. Они стучат, пока играет музыка...

Но музыка вот-вот должна закончиться, и тогда... О «тогда» я не хочу и думать. Знаю только, что должен что-то сделать, причем именно сейчас, в эти последние минуты музыки. Наверное, что-то пригрезилось и Еве. И мы, не сговариваясь, выскальзываем в ночь.

С непривычки глаза различают лишь танцующие огоньки.словно с ветки на ветку перепархивают светящиеся мухи. Это огоньки сигарет «второй смены». А значит, скоро перерыв и надо спешить. Ведь мы беглецы, а у беглецов всегда должны быть преследователи. Для нас это, конечно же, Юрка с Фросей, которые волею случая оказались сообщниками, и теперь им ничего не остается, как преследовать

нас по пятам. Что-то вроде игры, когда, хочешь не хочешь, а обязан.

Впереди, конечно, Фрося. Она, словно ишейка на поводке, вытягивает вперед свою чуткую голову и тащит за собой Юрку. «Далеко не уйдут!» – подбадривает она сразу сникшего Юрку, и я отчетливо вижу, как светятся в темноте ее глаза. Даже за чем-то заглядываю в глаза Евы, но глаза Евы темны. Они и должны быть темны, как и темны ее губы, которые я не вижу, а как-то сразу чувствую, словно пью уже готовые сорваться с них слова...

Потом мы вспоминаем о погоне снова – не о Юрке с Фросей конкретно, а о темной безликой силе, от которой надо бежать, бежать...

В эту минуту темные аллеи парка напоминают лабиринт без начала и конца. И с каждым шагом в никуда все ближе обступают деревья и неумолимо сужается звездный разрыв неба. Скоро он превратится в звезду, имя которой...

Сейчас я открою Еве самую главную тайну. Об этом знаю только я да бывший учитель физики по фамилии Лялюшкин. Все считали его чуть-чуть не от мира сего. Впрочем, Лялюшкин этого и не пытался скрыть. «Всякий учитель должен быть загадкой, иначе какой из него учитель», – считал Лялюшкин.

Тем летом мы всем классом отправились в горы. В какую-то из ночей все уснули. Только мне сон не шел. Мне и Лялюшкину. Мы сидели у потухшего костра и смотрели на звезды. Никогда потом я не видел столько звезд сразу, и таких огромных, но была среди них и самая-самая...

– Сириус, – словно прочитал мои мысли Лялюшкин, – что называется альма-матер.

Я наивно спросил, что он имеет в виду. Для меня так и осталось загадкой, почему Лялюшкин решил доверить свою тайну мне. Может, потому, что все спали, а я не спал, может, потому, что спросил.

Через год он как-то незаметно исчез в водовороте жизни. Он исчез, а тайна осталась со мной, словно Лялюшкин успел передать эстафету. И чем больше я начинаю думать о случайной неслучайности этого случая, тем более разнужданные мысли невольно посещают мою голову. Иногда мне кажется, даже начинаю понимать, отчего люди сходят с ума. Ведь скажи кому, что жизнь на Землю пришла с Сириуса, и со мной все станет ясно, как стало ясно кому-то с Лялюшкиным. Но Еве я расскажу все, ведь в слове «Сириус» мне слышится начало всех начал.

И когда я в который раз нахожу ее губы, чтобы начать свой долгий рассказ о Сириусе, то рефлекторно закрываю глаза, чтобы какой-нибудь далекий родственник с альма-матер не подсматривал, чем

занимаются по ночам на колониальной планете. В эту минуту я чувствую себя рыбой, которую кто-то бесцеремонно разглядывает в аквариуме жизни.

– Анджей... Анджей... Анджей... – Руки Евы зарываются в мои волосы, и я и в самом деле плыву, кувыр-каюсь, словно в невесомости.

Мы сидим на втором ярусе пляжного солярия. Где-то внизу сонно шелестит море. Потом постепенно начинают гаснуть звезды. И с каждой погасшей звездой во мне будто тоже убывает тепло. Скоро наступит рассвет, и я стану... мы станем – обыкновенными ледышками: холодными и скользкими. Потом постепенно начнет пригревать солнце, и мы незаметно растаем без следа.

Слава богу, вовремя очнулся от мимолетного кошмара. Впрочем, нос у Евы и в самом деле холодный, как у собаки. В детстве мама по носу определяла, сколько мне еще гулять на улице. Скоро над морем останется последняя звезда – та самая...

Но прежде, чем я решаюсь разбудить Еву, успеваю подумать о множестве вещей сразу: о времени, которое незримым стражем живет в каждом из нас; о маме с бабушкой, которые, наверное, всю ночь не находили себе места и если еще не обратились в милицию, то только потому, что не привыкли в такие места обращаться; о Юрке, который, возможно, тоже ждет, хотя, по моим предположениям, Юрка на такие подвиги не способен.

То вдруг пришло на ум высказывание нашей биологички Гидры, что сон – это состояние пограничное между жизнью и смертью. Раньше я как-то и в смысл не особенно вдавался, а тут вдруг увидел все как бы в новом свете. Ведь так, в сущности, живут многие. Это и наш соседский дед Трохим, который за последние годы проснулся только раз и, посмотрев по телевизору какой-то фильм, решил на всякий случай уснуть снова, до, что называется, лучших времен, я уже не говорю о нашей учительнице по литературе, которая так и прожила всю свою жизнь в девятнадцатом веке...

При мысли о дед Трохиме я почему-то начинаю думать о смерти. И чем больше я о ней думаю... Между прочим, я знаю человека, который в подобной ситуации сошел с ума – он пробовал представить бесконечность. Но сегодня я знаю, что смерти нет. Мы, как всякая материя, живем вечно. Просто время от времени переходим в новое качество. Что-то вроде бесконечного пути к совершенству. А любовь – это и есть искомое совершенство, но не каждый проходит свой путь до конца и рассыпается на атомы, чтобы в новом варианте немислимых сочетаний повторить свою попытку.

А пока Ева еще спит. Она спит на моих руках. Я согреваю ее теплом своих ладоней и вдыхаю запах ее волос. На ее губах блуждает улыбка каких-то снов. Я готов остановить время, чтобы эта минута никогда не кончалась, но вечность, как бездушная воронка, всех затягивает в ночь.

Но вот Ева шевельнулась и открыла глаза. Несколько минут неподвижно смотрит вдаль. Там, за краем голубеющего моря, уже проклюнулась алая полоска. От этого видения Ева спохватывается, словно что-то припоминая. Деловито щелкает замочком сумочки. Встрепанно озирает себя в зеркальце. Резкими движениями расчески отбрасывает со лба волосы. В мои глаза она почему-то старается не смотреть.

Улицы еще пусты, только дворник в желтой куртке самоуглубленно шаркает своей метлой. Потом где-то из глубины утра тишину раздирает первый визг трамвая.

А в скверике возле дома нас угрюмо поджидает Юрка. Он сидит, как нахохленная ночная птица, обхватив себя от холода руками.

